

И. А. Гулова
Московский государственный лингвистический университет
(Россия, Москва)
gulova@yandex.ru

СИНЕСТЕЗИЯ ВРЕМЕНИ В РАССКАЗЕ И. А. БУНИНА «СТАРУХА»

Категория времени является важнейшим идиостилевым параметром, эксплицирующим специфику художественной модели мира писателя, и поэтому имеет особое значение для декодирования «сложных» творческих систем, то есть ориентированных на репрезентацию онтологических аспектов бытия. Литературное наследие И.А. Бунина, несомненно, относится именно к таким системам [Мальцев 1994: 278].

Концепт времени находится в фокусе внимания писателя, о чем свидетельствует вынесение в сильнейшую текстовую позицию заглавия компонентов соответствующей семантической сетки – «Ночной разговор», «Последний день», «Весенний вечер», «Далекое», «Пост», «Именины» и др.

Специфика художественного времени рассказа «Старуха» формируется совокупностью ряда принципов его конструирования, находящихся во взаимобусловленности и взаимодействии.

Избирательность реализуется выбором диктумного времени. *Святки* – составляющая религиозного православного цикла с фиксированными временными границами – в рассказе сужаются до периода от раннего вечера до ночи. В соответствии с ним выстраивается модусное время, имеющее пейоративный характер. Оно дается эмоционально заряженной цвето-световой гаммой от *мутно синеть, наливаясь сумерками, темнело к темная улица, дальний фонарь, задуваемый вьюгой* и соответствующей ей акустикой какофонии от *метель, вихрями носившаяся, вопил чей-то хриплый голос, страшный скандал* к финальному *хриплый, притворно-отчаянный крик*. Избирательность маркируется грамматической гомогенностью темпорального плана, сформированного формами прошедшего времени, что уже само по себе показательно [Николина 2004: 55].

Соположенность обеспечивает компрессию времени за счет оперирования индивидуальным и коллективным временем, национально-специфическим временем, историко-культурным временем, природным временем, причем во второй композиционной части текста соположенность грамматически обозначена *Плакала она и потом... в то время, когда..., когда...* Гетерогенность временных пластов выдвигается на передний план восприятия за счет полисубъектности, создаваемой при одной константе *старуха* большим количеством переменных, связанных гипер-гипонимическими отношениями по возрастным и половым характеристикам и обеспечивающих актуализацию времени *дети, мальчик, отрок*, а также *пожилой* с перифрастическими обозначениями возраста *по годам уже давно следовало стыдиться ревновать, уже давно красился*; далее во второй композиционной части с более или менее явно выраженными признаками уподобления и разделения *четыре молодых мужика и молодые люди; некто с совершенно голым черепом и пятьсот*

мужчин с зеркальными лысынами; старики и старухи, больные тучностью / худые девицы и юноши. Вместе с тем происходит генерализация времени благодаря включению и взаимодействию с мифологическим и историко-субъектным полем *Прометей, Афина-Паллада, сатиры и нимфы, две с половиной тысячи лет тому назад греки...; древние народы; футуристы; старинные русские князья, замоскворецкие купцы и купчихи.*

Принцип избирательности во взаимодействии с принципом соположенности формируют амбивалентность текстового времени как закрыто-открытого с ретардацией и интенсификацией, но при стабильной направленности временного вектора на прошлое.

Изоморфичность организует текстовый сценарий фрейма *Святки*. Это праздничное время реализуется по соответствующему сценарию, наполнение которого, однако, является принципиально иным. Время культуры Древнего Рима, религиозной и народной культуры трансформируется во время субкультур и антикультуры. Смена культурной парадигмы при видимости ее сохранения последовательно проводится мотивом притворства и связанными с ним образными параллелями «сон – смерть» и «жизнь – маска».

Отметим, что изоморфичность в формировании времени ориентирована на конструирование образной системы как метаморфической и оппозитивной. Метаморфоза исходно заявлена уже в экспозиции как стилистический прием, выполняющий усилительно-выделительную функцию при форсировании субъективной модальности изложения *...старуха сидела на лавке в кухне и рекой лилась, плакала.* Далее метаморфоза фиксируется в сильных текстовых позициях, начинает выполнять также структурную функцию, актуализируя выразительный потенциал прошедшего несовершенного времени в процессуально-длительном значении, что усиливает вертикальную образную параллель «жизнь – река» *разливалась горькими слезами, плакала; плачет... рекой течет* и плеоназм финала *горькими слезами плакала.* Дистантный повтор последовательно концептуализирует время через его связь с видом деятельности [Коннова 2017: 3].

Еще одним аспектом реализации изоморфичности является метонимия. Она манифестируется в заглавии, деривационная обусловленность которого задает перспекцию текста в его ориентированности на детализацию: *старуха* обозначает субъектное время через возраст, отсылает к предельности физиологического времени человека и ориентирует реципиента на иное по сравнению со *Святки* ассоциативное поле. Его характер определяется образным изоморфизмом *старуха – зима – вечер, переходящий в ночь, – сломанные часы – сон – смерть.*

ЛИТЕРАТУРА

Коннова М.Н. Категоризация времени: язык и темпоральные модусы бытия. Калининград, 2017.

Мальцев Ю.В. Бунин. Frankfurt a. M., 1994.

Николина Н.А. Категория времени в художественной речи. М., 2004.